ЗОРЯ ГАЛИЦКА.

ЛЬВОВЪ. СЕРЕДА. **Ч. 29.** дня 31. марта (12. цвѣт.) 1851.

Выходитъ що середы и суботы. Цѣна на текущее чвертьроче для отбирающихъ въ Редакціи: 1 рен. 10 кр. — черезъ почты: 1 рен. 30 кр. ср.

ИЗЪЯСНЕНІЕ СТАТІИ:
„О вліянію нежного пола“

„....... Не могу я вытерпить никакъ
Чтобы воспитанный чужиньцями дуракъ
Чужимъ достоиньствомъ безстыдно украшался“

Такимъ то ѧркимъ славного поети словомъ велитъ намъ, любезныи посестрици, безъименный писатель въ артикȣлѣ своемъ: „О нѣжномъ полȣ и о вліянію его на народность нашȣ.“ Ч. 17 и 18 Зори — отповѣдати тымъ молодцямъ, которыи незаслȣгȣютъ на любовь правой Рȣсинки; горячое чȣвство, сердце палающее приказанностію и любовію ко своемȣ народови, ко родинной мовѣ, вело рȣкою вашею честный родимче! звертаючи оувагȣ нашȣ и на домъ родинный, на семейское сожитіе на домашное молодежи воспытаніе. Хотяй вашȣю ревность о розширенію нашого языка много почитаю, однакоже осмѣляю ся выяснити спростовавши денещо помянȣтый вашъ артикȣлъ, въ надѣи, ачей ся оудасть слабымъ дѣвици силамъ змыти бодай частинкȣ провины, змягчити клятвȣ, которȣюсте такъ немилосерднымъ, такъ безпремѣрно тяжкимъ словомъ кинȣли на головȣ матерей нашихъ.

„Матери наши“ — кличете — „най въ грȣдь ся оударȣтъ и скажȣтъ; „Согрѣшихомъ. Они то сȣтъ винительками безчȣвствія и беззаконій нашихъ.“ —

О горе! горе ти нещастная мати, коли рôдный твôй сынъ, такъ тяжкимъ до тебе промавляе словомъ, всякȣю бѣдȣ и нȣждȣ народа рȣского приписȣе только тобѣ самôй, только твоей нелюбвѣ ко своемȣ народови, ко своей мовѣ. —

Такій то оуже бачȣ нынѣшный свѣтъ, же кто що говоритъ, кто що пише, говоритъ и пише якъ що гадка нанесе, невходячи глȣбше въ рѣчь, не розбираючи ю належито. Никто не вспôмне нынѣшными часами о недостаточнôмъ воспытанію нашой молодежи, и о бракȣ истинной крѣпкой любви ко томȣ, що есть народне, не кинȣвши заразомъ и клятвою на родичей, неприписавши цѣлȣю того зла винȣ самымъ лише родичамъ. Такъ и вы честный родимче винȣете самȣю матерь за безчȣвствіе и беззаконіе сынôвъ.

Кобысте на тотъ такъ важный предметъ бôльшȣю звернȣли бȣли оувагȣ, розглянȣлися глȣбше въ нашôй бȣвальщинѣ, а то не доконче въ бȣвальщинѣ далекôй, бȣлибысте певно матерь рȣскȣ такъ тяжко не осȣдили, бȣлибысьте найшли, же частинкȣ той великой про-

вины, треба приписати также прежнимъ состоѧніѧмъ наꙋковымъ, треба приписати школѣ.

Не хочꙋ ꙗ дôмъ родинный брати въ оборонꙋ а тымъ менше со всемъ го изкинати — не хочꙋ также и самꙋю виновати школꙋ, же обое провинили; провинили, обое грѣшили. Но чіѧ провина бꙋла бôльша? Чи сама матерь есть причиною безчꙋвствіѧ и беззаконій сынôвъ? Дôмъ родинный, чистое семейское житье есть началомъ, есть пôдставою всего добра и щастьѧ человѣка. Тꙋтъ призвычаює сѧ дитѧ до доброго; съ любовїю ко родинной хатѣ взрастае и любовь ко отечествꙋ; зъ почитаніѧ ко приказамъ отца и матери выплывае и почитаніе ко законамъ Божимъ и людскимъ; дꙋхъ ꙗкій въ которой родинѣ есть, выраблѧе оуже въ дитинѧчомъ сердцю мѣрꙋ, ведлѧ которой человѣкъ въ пôзнѣйшихъ лѣтахъ мѣрѧе зле и добре а мова, которой слова, первый разъ звꙋчатъ въ ꙋхахъ немовлѧти зоставлѧе: (ꙗкъ самъ честный писатель каже:) ꙗкоесь глꙋбокое впечатлѣніе въ сердцю нашомъ и остаесѧ мельодїею дꙋши нашои непрегомонѧючою ажь до могилы. Ктожь повстане нынѣ зъ Рꙋсиновъ и скаже, же го родичѝ не наклонѧли до доброго, же го неꙋчꙋли почитати законы Божїи и людскїи — который сынъ чистого рꙋского дома не оумѣлъ передъ вступленіемъ въ школꙋ по рꙋски — коли признати должнисмо, же находилисѧ такіи а може и въ бôльшой части, которыи прійшовши до нормальныхъ шкôлъ, неꙋмѣли иной ꙗкъ материнꙋю мовꙋ.

Школа если мае званію свомꙋ отповѣсти, мае любовь, вѣрꙋ и привѧзанность до отечества ꙗкъ и до правого Монархи розбꙋджати, розбꙋджене плекати и въ дитинѧчихъ сердцахъ що разъ крѣпчайше що разъ сильнѣйше оутверждати; абы тое осѧгнꙋти, имѣе сѧ въ школахъ найбольше на тое оуважати, абы дитѧ въ своей матернôй мовѣ всѧкое возможное просвѣщеніе осѧгнꙋло, и съ состоѧніемъ свого отечества, ꙗкожь и съ его исторїею и законодательствомъ по сколько можно обзнакомити; абы тое осѧгнꙋти треба дѣти, въ вѣрѣ свѧтой оукрѣпивши ихъ, на самъ передъ обзнакомити съ оуставомъ и законами родинного краѧ, со обовѧзанностьѧми ко отечествꙋ и монарсѣ, зъ физическими и политическими состоѧніѧми свого власного краѧ, съ чꙋдесами природы, съ щастливыми и нещастлывими сꙋдьбами которыхъ досвѣдчилъ, а которыхъ оу насъ такъ много. Обꙋченіе народное должно про тое достати основаніе, которе бы ôтповѣдало дꙋхови и характерови, положенїю и призначенїю народа.

Но поглѧньможь теперь, ꙗкіи бꙋли нашїи и школы чи могли они розбꙋдити въ дѣтехъ нашихъ любовь ко свомꙋ народови, чи тамъ вспôмнꙋлъ кто коли о родиннôй мовѣ, чи довѣдаласѧ тамъ дитина що бꙋли ей предки, ꙗкъ жили, ꙗкъ сѧ радили, ба що чи довѣдало сѧ тамъ дитѧ ꙗкъ сѧ они звали — а если еще пригадаю, ꙗкимъ способомъ отзвычаевано дѣти ôтъ родинной мовы, тогда честный писателю скажꙋ вамъ, бійте вы сѧ въ грꙋди и скажѣтъ тричи „Согрѣшихомъ Господи!“ Кидаючи каменемъ на матерь свою. — Такъ сѧ дѣѧло въ низшихъ школахъ. Скажете може, же въ высшихъ школахъ тое сѧ поправило? Заглѧньмо и тамъ. Скоро молодый человѣкъ прійшелъ до латиньской школы, то жилъ не менше ꙗкъ оученникъ нормальной школы въ чꙋжомъ свѣтѣ, въ времени о тысѧчи лѣтъ ôтъ теперѣшности ôтъ нынѣшного отворотомъ положеномъ, въ чꙋжôмъ краю межи чꙋжими народами. Римъ и Атены зъѣдали всѣ его силы, занимали цѣлꙋю его дѣйствительнôсть. Перебивши сѧ такъ черезъ чотыри низшїи клѧсы, прійшовши до такъ званыхъ гꙋманіорôвъ,

принȣжденъ бȣвало доходити що Кикеро и Демостенесъ говорили, Виргиль и Гомеръ писали, промышлѧти надъ тымъ, надъ чимъ тамтыи промышлѧли. Въ школахъ тыхъ неходило о тое, ꙗкъ хлопецъ въ своей материной писемно и оустно выслѡвлѧлсѧ; тамъ ходило о тое ꙗкъ по латинѣ и гречески та по нѣмецки пише. Чи то прійшло що выробити, чи слово ꙗке держати, все то бывало въ чȣжой мовѣ. —

Законы Рима и Атенъ, ихъ митольогію, ихъ клѧссыковъ, словесность греческȣю и римскȣ, римскȣю и греческȣю землю, ихъ мѣста, краи и кольоніи; тое все оучилъ сѧ хлопецъ ꙗкъ найдокладнѣйше въ найменшихъ подробностехъ, але внȣтреннȣю и внѣшнȣю исторію своего народа, средства его торговли, исторію его оустава и законодательства, его преданіѧ, его словесность и ей исторію, ба свой власный народъ и край въ природномъ и политическомъ взглѧдѣ зоставали мȣ больше менше не извѣстными.

А если пойдемо еще дальше и пригадаемъ, же и богословцы бȣвало ажь на пресвитерїȣмъ азбȣки оучитисѧ начинали, если пригадаю же и свѧщенниковъ, которыи то богословіе въ рȣскомъ еще слȣхали ꙗзыцѣ,, мовь тобы на посмѣвиско и порȣганье въ шематизмѣ назначовано и нынѣ еще назначȣесѧ словами „studii ruthenici," если пригадаемъ ꙗкъ тыи такъ званыи studii ruthenici бȣли оупослѣджеными, то пытаю васъ теперь честный писателю! чи могла сѧ подносити наша мова, розвивати наша словесность, чи могла сѧ розвивати и оукрѣплѧти любовь ко своимȣ народови? Чи матерь сама есть причиною безчȣвствіѧ и беззаконій нашихъ?

Тое то привело нашое нынѣшное поколѣнье до того, же нѣтъ въ немъ истинного отечестволюбіѧ, чȣжіи обычаи и звычаи и мовы отсторонили намъ высшȣю интеллигенцію, оудȣшили любовь, затерли привѧзанность до того що есть народне. — Що сѧ дотычитъ насъ дѣвицъ рȣскихъ, то гадаю же достаточнымъ отвѣтомъ бȣде вопросъ: „Бȣли и сȣть длѧ нихъ школы?"...

Однакожь на честь рȣскихъ дѣвицъ тое честный родимче признати должнесьте, же мимо всего бракȣ школъ мало що не кожда рȣска дѣвицѧ днесь и читае и пише по рȣски — а если еще пригадаю же пѣснь о зазȣли и паньщинѣ, которȣю одна Рȣсинка на знесеніе паньщины оуложила, которȣ днесь къ кождомъ селѣ оучȣете; а чейже достаточно бȣде, абы васъ о мильности вашого мнѣніѧ о дѣвицѧхъ рȣскихъ переконати тое вамъ сказати, же рȣски дѣвици днесь перекинчикамъ и ворогамъ словомъ безсмертнаго Маркіѧна отповѣдаютъ: „Сполошишь ми долю и проженешь щастье, день ми споморочишь и свѣтъ ми западе, нȣждовъ мѧ оударишь и нашлешь ми злидни, свѣтъ ми спȣстѣе и йме ворогȣвати, зныдѣе радость и плачь мѧ огорне, тȣга ми ранкомъ и вечеромъ жȣрба, и ночъ ми несонна и горюванье съ сонцемъ, вырвешь ми очи и дȣшȣ ми вырвешь а не возмешь милости и вѣры, не возмешь а не выдрешь ми любови и вѣры ко народови моимȣ; бо рȣске ми сердце и вѣра ми рȣска. — Анна зъ надъ Днѣстра.

Отъ Долины. Недостатокъ отповѣдныхъ книгъ оучебныхъ рȣскихъ есть такъ великій, що найскорше выданіе тыхже дȣже потребнымъ оказȣетсѧ. Зъ причины того недостатка наȣка въ рȣскомъ ꙗзыцѣ не может до сихъ поръ порѧдочно въ школахъ отбыватисѧ, ибо дотеперѣшныи книги наȣковыи именно же бȣкварі, потребамъ школьнымъ дȣже лихо отповѣдаютъ; кождый писалъ ꙗкъ хотѣлъ, нетримаючисѧ жадныхъ грамматическихъ правилъ, со всемъ въ простомъ дȣсѣ и вкȣсѣ, ꙗкъ длѧ

*

темного люда тымъ способомъ много предразсѹжденій противо нашого языка оутвердилъ, и мимовольно окрылъ нашѹ мовѹ ганьбою. Для оуникненія же подобныхъ недогодностей, дабы въ бѹдѹчность незнаемыми мановцями неблѹдити, а певнѣйше до цѣли дойти, видится быти найпораднѣйшою рѣчею, дорогою оубитою ити, и лѹчше быти добрымъ послѣдователемъ, якъ злымъ изъобрѣтателемъ, лѹчше спѣвати и скакати якъ дрѹгіи люде, нижели выдакати дивачныи голосы и робити незвиклыи скоки. Въ томъ намѣреніи дабы новыи школьныи книги а именно бѹквари цѣли своей отповѣдали, подобаетъ необходимо елементарь нѣмецкій слово въ слово и вѣрне на рѹске перетолковати, ибо тѹтъ идетъ о тое; дабы:

1. Рѹскій языкъ былъ шкôльнымъ языкомъ — до того неотповѣдаютъ давныи бѹквари, въ которыхъ незнайдешь ни порядка, ни постепенного постѹпа въ наѹцѣ, но все въ неладѣ пороскладано, стиль простый и оурывковый, выраженія грѹбыи, для того знаю такихъ, которыи не могѹтъ безъ обѹренія на такіи бѹквари поглянѹти. — Молитвы же и правды вѣры Христіаньской, которыи въ нѣкоторыхъ бѹкварахъ знаходятся, належатъ до молитвословôвъ и катехизмôвъ, и не могѹтъ слѹжити для иныхъ народностей и вѣроисповѣданій, ясна рѣчь що дотепрѣшныи бѹквари, не сѹть для оужиткѹ пѹбличного, но только приватного — найбольше для самой рѹской школы на селѣ — но и тамъ здало бы ся щось больше сказати. —

2. Елементарь такъ польскій, яко и нѣмецкій, есть въ томъ взглядѣ со всемъ по правиламъ педагогіи и меѳодики искѹсно сочинненый, або содержитъ въ собѣ легкіи, понимательныи и любопытныи рѣчи, которыи дитина съ охотою оучится, въ доводъ его возмѣмъ его реєстръ; а окажется якъ всепостепенно постѹпаетъ, а такъ: а) насампередъ малыи бѹквы б) по семѹ слоги для вымовы подобныи в) слоги съ двогласными г) слоги для правилъ складыванія д) члены людского тѣла, е) части дома и пр. По томъ слѣдѹетъ отмѣнна азбѹка, оу насъ можно поклассти гражданьскіи бѹквы — игри дитинныи. — Далѣй снова отмѣнна азбѹка оу насъ могѹтъ стояти скорописныи бѹквы и дѹже красныи наѹки обычайныи. На остатокъ или правила для нѣмецкого складыванія, или наѹка о словахъ подъ титлами — о числахъ словеньскихъ — о прозодіи — ортографіи и пр. — но початокъ и середина маетъ быти вѣрно ôтдана, бо кто бы дѹмалъ що лѹчше зробитъ най смотритъ дабы не сказилъ. — Трѹдно намъ особеннѹ литератѹрѹ школьнѹ закладати, до того много потреба; намъ неподобна ани ôтъ Нѣмцевъ ани ôтъ иныхъ народностей въ томъ взглядѣ отлѹчитися, хибабы кожда народность особенныи школы имѣла, а такъ могбы кождый свое спѣвати, и по своемѹ скакати. —

(Заключеніе слѣдуе.)

ЗАГРАНИЧНІИ ИЗВѢСТІЯ.

Вѣдень 5. цвѣтня. Вчера прибѹли Его Величество цѣсарь въ пожеланнѣйшомъ здоровью зъ пѹтешествія свого, въ которомъ посѣщали приморскѹю часть державы, а именно славный городъ Венецію и Терстъ. Всюда приняты бѹли жителями съ найбольшимъ восхищеніемъ. Дня 2. с. м. оудалился паровымъ статкомъ „Волькано" съ поворотомъ зъ Венеціи до Терста а ôттамъ до Вѣдня.

— Поголоски розходятся, що Его Величество цѣсарь невавомъ отъѣдѹтъ до Варшавы, где и царь Николай прибѹти мае.

Вратиславôвъ, 3. цвѣтня. Донесенія зо всѣхъ сторонъ оудостовѣряютъ насъ, що Прѹс-

вы своего оуполномоченного до союзного собранія въ Франкфуртѣ выслали, и иныи имъ спріязненыи правительства тое самое оучинити приглашаютъ. „Гам. Газета" помѣстила содержаніе отвѣта, який Прусы на оное приглашеніе зъ Гамбурга отримали. Въ томъ отвѣтѣ Гамбуржане такъ ся отзываютъ: „Намъ нищо больше неостается, якъ повернути назадъ до сойму союзного, и немедленно пошлемо отъ насъ одного оуполномоченного, жалко намъ только що Прусское правительство такъ поздно на тое рѣшилось.

— 5. цвѣтня. Вчерайшего дня имѣлъ министеръ предсѣдатель Г. Мантайфель съ Австрійскимъ высланникомъ Г. Прошекъ розговоръ: якъ ся здае головнымъ предметомъ були Гольштиньскіи справы. —

Голомуцъ, 7. цвѣтня. Довѣдуемося, що Австрія розослала окружное писаніе до всѣхъ нѣмецкихъ дворовъ, дабы тыи своихъ оуполномоченныхъ при Дрезденьскихъ нарадахъ откликали. Зъ того показуеся, що головна дипломатична кватира зъ Дрездна оуступится, а дальшіи нарады о справахъ цѣлой Нѣмеччины на соймѣ франкфуртскомъ, а може въ якомъ иномъ головномъ городѣ продолжати ся будутъ.

Парижъ. 3. цвѣт. Въ послѣдныхъ днахъ марта перетрусано здѣсь домы, въ которыхъ выходцѣ Италіански обытаютъ, здаеся хотятъ выслѣдити планъ вознамѣренной матежи въ Италіи.

— Здѣшное правительство послало полиційныхъ агентовъ до Льондину, а тыи мають ся злучити съ тамошновъ полиціовъ и неспускати зъ оуваги своей порушеній тамъ живущихъ выходцевъ. —

Льондонъ, 5. цвѣтня. Англицкое правительство вознамѣрило на цѣлое время выставы Льондинской всѣхъ выходцевъ до Шкоціи выслати.

— Послѣ найновѣйшихъ вѣдомостей зъ Ливерполю сгодили ся всѣ помежи выходцами обрѣтающіися Оугры, отплысти до Америки. Зъ Поляковъ прилучилося только дуже малое число. Колькохъ лежитъ въ больници въ Ливерполю и ждутъ съ нетерпеливостевъ приобѣцяной отъ лорда Дудлей Стуартъ помощи. Оучинена на ихъ счотъ складка въ Ливерполю, заледви 9 фунтовъ стерлинговъ принесла.

КРАЙ РОДИМЫЙ.

Львовъ. О благодѣтельномъ заведенію жандармеріи писали розличныи Австрійскіи Часописи, и безъ сомнѣнія въ короткомъ времени показалася очевидно незаперечительная польза тогожъ заведенія въ взглядѣ на безъопасность особы и имѣнія, такожде и относительно нравственности сельскихъ жителей. Поминаемъ що до послѣдного тое каждому извѣстно обстоятельство, що піяньство по корчмахъ и послѣдуюшіи тому безчестныи допустки и беззаконія, сварни, бойки кервавыи, и кривды на здоровлю, маетку и славѣ, которыхъ дуже часто допускался захмѣленый піяница, не имѣючи надъ собою никого, который бы го отъ подобныхъ выбрыковъ здержати могъ и смѣлъ и хотѣлъ, вспоминаемъ случайно только о томъ, же помянута жандармерія такожде и на публичный общій и домашный порядокъ особлико по селахъ, дуже благодѣтельно вліяетъ. Лѣнивство (свойство всѣхъ рабовъ) къ сожалѣнію и между нашимъ народомъ подекуда вкорѣненное, вымагаетъ положительныхъ средствъ, дабы разъ народъ нашъ почувствовалъ достоиньство свое яко человѣкъ и яко вольныхъ обывателей Австрійскихъ, скинулъ днекотри предубѣренія, залюбо-

валса въ красномъ и полезномъ и честномъ, и тымъ свѣтомъ достойнымъ сталса вольности обывательской, наданой му найновѣйшими законами. — Въ селѣ Н. приключилоса, що въ одну хату войшелъ жандармъ, но гакій онъ тамъ порадокъ засталъ, знають многіи зъ нашихъ селанъ, оу которыхъ такожде не лучше дѣетса. Ото хата обкурена двадцатьлѣтнымъ дымомъ, столъ, лавы и ложка, ажь сумъ бралъ поднвитиса — оу людей хоть передъ сватами мыютъ, ба тамъ того не было познати, но на всѣмъ грубо было брудъ и калу, дѣтиска пообдиранѣ лазили, тамемытыи може отъ коли оуродилиса, и все въ такомъ ладоньку. А газдина собѣ въ своей хатинѣ щасливѣсенька и не подумала николи, же то такъ брыдко, бо то такъ и давно бувало, та гакось съ тымъ и було. Жандармъ оувидѣвши тое, пытае газдиню: „А чи не маете вы мѣтлы?“ — „Ой панонько нѣтъ!“ каже таа, зачудовавшиса тымъ вопросомъ. Но жандармъ собѣ порадилъ — найшлиса прутьа, тай духомъ и мѣтла стала. Бере мѣтлу, розбираеса, тай далѣй хату и сѣни замѣтати. Газдина, дивитса, що то буде, то палинѣе, то блѣднѣе, той замѣтае. Замѣвши „а чи не маете мытки пане газдине?“ пытае. „Та гдесь найдеса“ каже таа, и добувае стирки, где гака къ дома були. Жандармъ бере мытку и воду, и мые лавки, столъ, ложка чисто гакъ са належитъ, потому и о глину постаралса и хата духомъ стала выбѣлена, обтирае окна, робитъ ладъ на припѣчку. стелитъ ложко, гакъ са належитъ, репата непотребныи зъ хаты выноситъ, то дае газдини, щобы то до коморы, то где инде несла, горчки, ложки и пр. оуставлае на полицѣ и пр. Газдина дивитса, що то буде, та видитъ, же то теперь по людски. — „А що? пане газдине, правда, що то такъ хорошо.“ „Тажъ ніакъ. Най вамъ Богъ дасть здоровье,“ каже газдина. „Най намъ всѣмъ Богъ дасть здоровье, але вы зложите только а только до касы оубогихъ за тое, же ажь га вамъ мусѣлъ порадокъ робити, отозвалса жандармъ. „Ой панонько, тажь гбы то сама собѣ такъ потрафила зробити!“ каже газдина „власне дла того, жебысьте потрафили зробити, а не зробилисьте, дла того заразъ платѣтъ, а на другій разъ майте науку.“ — Зъ села В. въ Стрыйскомъ ишолъ селанъ зъ мѣста спродавши волы, и трошка подмогоричченый числилъ собѣ въ платокъ банкноты, котрыми вѣтеръ фурготалъ. Жандармъ оувидѣвши то, кличе селанина до крамницѣ, и годитъ пуларесъ. Зъгодивши, каже селаниновн чвертку дати за пуларесъ и гроши сховати. Селанинъ жаловалъ зъ початку чвертку, та не хотѣлъ дати, але обозрѣвши пуларесъ, каже: „Ой правда, що то такъ лучше, та безпечнѣйше тай красше гроши носити,“ и еще подаковалъ жандармови. — Нашимъ селанамъ нужно, дабы только искусили не одно доброе и полезное, дабы полюбили красное и складное и вкусное, а то власне есть, що жандармерія по при иныхъ обще спасительныхъ намѣреніахъ такожде при всакомъ случаю зъ ока не спускае. —

Львовъ 29. марта. Къ оучрежденію парохіальной школы въ Короловцѣ, окр. Станиславовского посбирано слѣдующіи добровольныи складки: — Отъ гром. Короловки щорочне готовыхъ грошей 48 зр. 10 ср. ср., 3 корци 30 гарцовъ твердого збожа въ цѣнѣ 11 зр. 48 кр. ср., до того дочисливши еще доходъ дака, почисленный на 10 зр. ср. (оучитель бо разомъ и дакомъ бути мае) — загаломъ 69. зр. 58 кр. срб.

Кромъ того зъсбовазовала са громада

добꙋдовати до теперѣшного обыталища дѧка и школꙋ, и тꙋюже въ зимѣ опалювати, а вч. тамочный парохъ Николай Петровскій зъобовязалсѧ длѧ оучителѧ отстꙋпити моргъ полѧ орного черезъ времѧ свого тамъ перебꙋванїѧ зъ которого, и зъ города малого рочный до̂ходъ такожде выноситъ 3 зр. 20 кр. ср. отже загальна сꙋмма 73 зр. 20 кр ср.

Львовъ 31. марта. Къ оучрежденїю школы тривїальной въ Пꙋковѣ, окр. Бережаньского, собрано слѣдꙋющїи добровольныи датки. Отъ громады Пꙋко̂въ щорочне 100 зр. ср. и 20 ко̂рцо̂въ твердого збо̂жа, которое числѧчи по 3 зр. корецъ, выноситъ вартость 72 зр. тоже загаломъ 172 зр. ср

На опалъ той школы забезпечила Графинѧ Констанцїѧ Бржостовска, ꙗко полномощнаѧ Графини Рожи Орловской, щорочне 10 са̂жень ниж. австр. дерева зъ лѣсовъ Пꙋко̂вскихъ, которое громада зрꙋбати и приставити зъобовязаласѧ.

Тое общеполезное стремленїе двигненїѧ просвѣщенїѧ народного подаетсѧ до всеобщой вѣдомости. —

Гетъ! гетъ! гегъ! гетъ!!!

(Продолженїе.)

Отожь ꙗкъ оуже Богъ гараздъ далъ, нещадила она того огнѧ пе̂кла никомꙋ, ба въ нерозꙋмной гадцѣ, що изнꙋритъ тымъ незмѣрнꙋ любовь къ женѣ Романа своего и предъ дрꙋгими окаже ю, дала ю и молодо̂й Хорой невѣстцѣ; але таѧ бꙋдꙋчи истинно невинною, можь сказати, дитиною, найменше до той пекельници ненакиклою, горачо выпрошивалаcѧ о̂тъ того, ꙗкъ бы еи дꙋша прочꙋвала щось оужасного, выпрошивалаcѧ оу матери, не добре понимающой жичливость къ дитѧти своемꙋ; однакожь нещастнаѧ свекроха ꙗкъ взѧла промовлѧти а приговорювати: „Та ты дитинонько такꙋю дороженькꙋ о̂тбꙋла, та ты, хвалити Господонька, то̂лько болѣвъ перетерпѣла! такꙋ мꙋченькꙋ вытрималасъ! и ты бы сѧ теперь ненапила? ты вартнѣйша о̂тъ насъ всѣхъ бо̂льше сѧ напити, а диви зазꙋленько! и мы длѧ тебе съ мамꙋньцевъ твоею такой напьемсѧ; та то горѣлка не зъ нашой корчмы, она то о̂тъ великой кꙋпчихи зъ Рогатына самого, она сѧ̂ присѧгала що е то такаѧ горѣлка, що то̂лько пьютъ ю велики панове, та старшїи ксьондзове, ба повѣдали, що то накетъ не е проста горѣлка, то е дѣвонько, горакъ! горакъ! Напїйже сѧ ластѣвонько моѧ! ты ще не знаешь ꙗкъ то добре! напїйсѧ, не соромсѧ, тажъ ты не дѣвка! отъ напїйсѧ! та та перестане въ серединѣ болѣти, такой таѧ обезпечила мѧ кꙋпчиха, що то радѧтъ пити доктори; а тысь такъ змарнѣла? выпїйже, выпїй! борше заснешь, та спочнешь трошечка, и Господь знае що ще приговорювала!—Бѣдна молодица довгїй часъ операла сѧ налѧгающе на то въ томъ дѣлѣ матери; але разъ длѧ послꙋшенька, дрꙋгїй разъ безконечными еи припрошꙋваньями оутомленна, взѧла нещаснꙋю порцїю, тою то чрезъ матерь наполненною желчею, и притꙋлила до своихъ оустъ, никогда и найменшимъ зломъ непобаланыхъ, але скоро ю зайшелъ смердѧщо огнистый сопꙋхъ, страшенно воздригнꙋла сѧ и отвернꙋла о̂дъ такъ горачкою спаленной гꙋбы, а въ то̂мъ безꙋмнаѧ мати порикае за денце полнꙋю той отравы пекла чарꙋ и насилїемъ вылывае нещасной а оуже оператисѧ немогꙋщой Хорой въ горло а тое дополнѧючи, ꙗкъ бы найбольшой щасливости дитинцѣ своей доконавши дѣло, радостно воскликнꙋла: гетъ! гетъ! гетъ! гетъ! И подоси то̂лько былъ̂ гараздъ и щастье, ꙗкое свѣтъ цѣлый могъ позавидꙋвати

домѹ томѹ; тое слово: гетъ!... выгнало го въ безвѣсти, отворило глѹбокѹю пропасть для его всѣхъ жителей,—о всѣ они знайшли тѹ вѣчнѹю свою погибель! Непризвычаена до оупиваючихъ напоевъ молоденька невѣстка, по выпитью спорой того огня пекла чарки, якъ дерево оусн8ла, а и една и дрѹгая мати и всѣ находящіи ся въ цѣломъ домѹ, маючи тою то плюгавицею позабивани головы, безъ памяти остали, а она оуснѹла повѣдаю, о оуснѹла! мало що не на вѣки, ахъ! прости Господонькѹ! може бы и лѹчше ей ся стало, абы ся никогда не пробѹдила была! Алежь обѹджаютъ ю голосы, голосы надъ всякіи оужасности страшнѣйши въ сто частей на разъ люто раздерающіи материньское серденько: ай! дитина не жива! Ой! ой! ой! она оудѹшила дитинкѹ!! ой! що задѹшила, то задѹшила! во и себе и дрѹга своего и такъ одныхъ якъ и дрѹгихъ родичей, а все проклятою горѣлкою горакомъ страшеннымъ... Зорвалася бѣдна на голосъ той окропенный зъ снѹ нещасного, кинѹлася якъ спарена, якъ навѣджена безъ памяти додитинки якъ возъ посинѣлой! порывае ю, не зважаючи на станъ своей слабости, летитъ на свѣжій воздѹхъ, на вѣтеръ, обливае то стѹденною водою, то горячими слезами, и незнати що робитъ, але все во тще, въ остатокъ въ страшное падае отчаяніе; на остовпѣлѹ зо страхѹ матерь которѹ доси першѹ по Богѹ чтила, вергае найлютѣйшими проклятьтвами, и неживымъ своемъ плодомъ мече въ ей лице живое, а сама безъ всякого чѹвства, падае на землю.

Дитинати только оуже вѣчная память! а нещаснѹ положницю якось оттерли, опамятали, але на що? на новыи и що разъ тяжшіи мѹки, била бѣдна то въ стѣнѹ голокою, то си красное якъ цвѣточка личко дяла калѣчила, то метала всякіи проклятія на матерь, зъ слѹчаю того якъ бы одѹрѣлѹ, а въ остатокъ сильно забажала горѣлки, которой предъ двома годинами, такъ тяженько лякалась. Нещасна матерь спѣшно спорѹ налала чаркѹ и дрежащою подала ей рѹкою, якъ бы желаючи застрашнѹю свою провинѹ вынадгородити тымъ нещасной невѣстцѣ, а тая оуже не вздригалася... якъ еднѹ взяла кропинкѹ!... и ще о дрѹгѹю такѹю повторила желаніе; въ той часъ исполненно ей ожиданіе — выхилила и чаркѹ дрѹгѹю, ба и третѹю! забѹлькотала страшными проклятьтвами на скрозь якъ листочокъ зо здѣланого оутрапленья дрижащѹю матерь, кервавою запалѣла ся горячкою и оуснѹла але не на тое, абы ю кто могъ возбѹдѹти, она оуснѹла на вѣки! Дѹхъ ей оулетѣлъ за дѹхомъ ей ангелика святого. Трѹба Архангела возбѹдитъ ю на страшномъ сѹдѣ, дабы ся оправдала съ нещасною своею матерею! Тое онъ домавляючи, востхнѹлъ горестно и замовкъ на хвилю; всталъ, поправилъ на коминѣ палящое ся каганця, а потомѹ началъ оповѣдати далѣй.

(Продолженіе слѣдуе.)

Курсъ Львôвскій.

дня 11. цвѣтня.

Въ монетѣ конвенційной.	гот. зр.	грôш. зр.	товаромъ. зр.	зр.
Червонецъ голенд.	5	59	6	3
Червонецъ цѣсар.	6	4	6	8
Рубель среб. росс.	2	—	2	1
Галицкіи заставніи листы за 100 зр.	89	43	90	3

Вѣдень 8. цвѣтня. Облиг. 5% — 96 11/16; 4½% — 84 13/16; 4% — — 4% зъ г. 1850 — —; 3%.

Редакторъ І. ГУШАЛЕВИЧЪ.— Типомъ и накладомъ Института Ставропигіянского.